2050 СОНАР

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

История развёртывания, манипуляций, истощения и упадка.

www.sonar2050.org
expert@sonar2050.org
«Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза "Союзный нарратив 2050"»

www.sonar2050.org

Автор доклада – экономист, писатель, Колташов Василий Георгиевич. Тел.: +7-967-217-01-34. E-mail: koltashov@gmail.com. Страница автора: https://www.sonar2050.org/authors/vasiliykotlashov/

Шеф-редактор — Уралов Семён Сергеевич. Тел.: +7-916-215-72-02. E-mail: uralov@sonar2050.org

Глава аналитического бюро — Лизан Иван Юрьевич. Тел.: +7-999-714-12-40. E-mail: lizan@sonar2050.org

«Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза "Союзный нарратив 2050"»

Адрес: Российская Федерация, 143180, Московская область, г. Звенигород, мкр. Пронина, д. 2, офис 12

Директор — Боков Василий Сергеевич. Тел.: +7-916-120-07-08. E-mail: vb@sonar2050.org

Telegram: sonar2050

YouTube: sonar2050.org

Оглавление

Введение 4
Как работала демократия XX века 5
Кризис 1973–1982 гг. и неолиберальный поворот 6
Как кризисы решают за нас 7
Неолиберальное увядание демократии 8
Когда господствуют процедуры 9
Сумерки нового большого кризиса 9
Демократия в эпоху кризиса и снова в кризисе 10
«Революция или реформа?» и мифы о путях 11
Неомеркантилизм приближается 13
Нации, которые всё осложняют 14
Выводы 16

Введение

В 2020 г. западные экономики накрыла новая волна глобального кризиса. Она оказалась необычайно сильной, наложилась на пандемию и породила волну леволиберальных массовых протестов в США, Великобритании и ряде других стран. Аналитики разделились по поводу их сути: одни считали их вершиной демократии, другие — признаком её разложения на Западе. Когда в США пошли разговоры об отмене президентства Дональда Трампа вне зависимости от факта его законного избрания, американские консервативные комментаторы уже не могли сдерживать эмоций. Демократия явно оказалась не в том месте, которое принято показывать «развивающимся странам». Посыпались остатки красивого фасада либеральных ценностей, свобод и законности. Но прежде чем это случилось и открылся столь острый кризис, либеральная демократия на Западе прошла долгий путь мутации.

В XIX в. можно было наблюдать восхождение демократии как идеи и принципа. В XX в. тоже долго казалось, что она развивается поступательно — движется от формального к реальному. Однако уже большой кризис 1973–1982 гг. привёл к историческому повороту в судьбе демократии. Всё оказалось сложнее, чем думали прежде. Будучи воспетой, как никогда ранее, демократия оказалась в кризисе. В реальности экономических проблем 2008–2020 гг. настал новый критический момент. Всё это заставляет задуматься как над смыслом слова «демократия», так и над экономической логикой истории и многим иным.

Возникновение демократии было связано с развитием полисной экономики Греции. Случилось это после «тёмных веков», последовавших за великим экономическим кризисом XII в. до н. э. Другой великий кризис в III в. нанёс сильнейший удар по муниципиям Римской империи с их демократическими практиками, происходящими от более ранних полисов. В истории великие и большие экономические кризисы (они появились после великого кризиса XIV в.) оказывали огромное влияние на общественные структуры и отношения, которые принято связывать с понятием «демократия». Не является исключением и эпоха после Второй мировой войны. С того времени по настоящий момент демократия как форма власти и организации общественных структур претерпела огромные изменения.

Современный экономический кризис тоже имел значение. Только вначале многим на Западе казалось, что он приведёт к демократическому повороту. Суть его должна была состоять в оживлении институтов и общества. Это только прозападным либералам на постсоветском пространстве всё казалось благополучным в той части мира, где находилось ядро капитализма.

Понятие «демократия» применяется широко, но является весьма спорным. Гораздо вернее было бы говорить в большинстве случаев о республиканской форме государственных, партийных и иных конструкций, общественных сознания и отношений. Но слово «демократия» остаётся неизменно в политической моде, пусть и создают её не социальные «низы», а «верхи» наций или даже номенклатура партий. Отказ от широкого его использования вызовет непонимание, хотя было бы правильнее обращаться с ним предельно аккуратно. Наконец, вредной является и анархистская крайность: вера в то, будто бы в современных и даже более ранних социально-экономических реалиях могло существовать подлинное народное правление, не отягощённое ни бюрократией, ни профессиональными политиками, ни олигархами (США, к примеру, олигархическая республика), ни верой в лидеров и миссий.

Демократия в XXI в., сколь бы ни было противоречиво это понятие, переживёт ещё свой подъем. Однако её текущее состояние и ближайшая перспектива могут быть оценены только после анализа всех обрушившихся на неё изменений. А начать следует с кризиса самой демократии, какой мир знал её в XX в. Именно в кризисе она пребывала в тот самый момент, когда её в американско-европейском либеральном формате воспринимали граждане бывшего СССР.

Как работала демократия XX века

В 1989–1994 гг. альтернативные выборы глав государств и депутатов, свобода слова и печати казались всеобщими правилами демократии многим людям в Восточной Европе. Они виделись западными по рождению нормами, характерными для свободного, открытого и плюралистического общества. Сама Западная Европа и Северная Америка выглядели как эталон свободы, где государства цвели в своей демократии. Разве не боролись здесь народы за широкие общественные свободы с XVIII в.? Разве эта борьба не имела результатов, столь притягательных для жителей стран Восточного блока? Разве не уживались здесь в благополучном балансе различные культурные группы?

На деле на Западе, как принято говорить в Восточной Европе, шло омертвение того, что принято называть представительной буржуазной демократией. Никто формально не отменял свобод, как никто не отменял многих политических свобод в СССР, но демократия всё более становилась либеральной, даже неолиберальной — почти однопартийной, но, главное, всё более оттеснявшей «низы» от принятия решений, даже не слышащей их голос. Нельзя сказать, что «низы» не отрезали себя от участия в управлении сами, уже с 1970-х гг. поддерживая неоконсервативных профессиональных политиков. Но более всего их отрезали процессы в экономике. Они сокращали индустрию и концентрацию рабочих. Но только ли в этом было дело? Только ли рассредоточение трудящихся ослабляло их структуры?

Понятия «либерализм» и «демократия» имеют слабое родство. Демократия возникает как власть большого числа людей, тогда как либерализм был во многом элитарным течением сторонников политических свобод, которыми не должны были пользоваться «низы». Потому не власть либералов дала миру всеобщее избирательное право. Известно, что Отто фон Бисмарк использовал всеобщее (мужское) избирательное право против либералов. Ранее так поступал во Франции Наполеон III. Однако рост индустрии породил развитие профсоюзов и партий социал-демократического типа, а позднее коммунистов. Они-то и составили структуры, которые обеспечили расцвет демократии на Западе — в Северной Америке и Западной Европе. С их помощью «низы» получили не только всеобщее право избирать и быть избранными, но и возможность иметь своих депутатов. В крайнем случае, как это было в США, организации рабочих участвовали через своих начальников в сделках с нерабочими партиями и кандидатами.

Одни называли эти сделки выгодными для рабочего класса, и они в самом деле улучшали его материальное и политическое положение. Другие — гнилым оппортунизмом, и массы воспринимали их самих как всё менее интересных максималистов. Этот реформизм в старых индустриальных странах опирался на волю самих трудящихся, а не на обман со стороны левых лидеров, что замечательно показали в книге «Марксизм и полифония разумов» Андрей Коряковцев и Сергей Вискунов[1]. Однако всё имеет свои пределы.

Современное кризисное состояние либеральной демократии произошло не только из современного кризиса (2008–2020 гг.), но и из более раннего большого экономического поворота. Он имел огромное значение, но ныне почти забыт.

[1] Коряковцев А. Вискунов С. Марксизм и полифония разумов — Екатеринбург, «Кабинетный учёный», 2016 — 663 с.

Кризис 1973–1982 гг. и неолиберальный поворот

Пиком наступления демократии и социальных реформ на Западе, вероятно, следует считать «мировую революцию» 1968 г. Тогда студенчество, не подчинённое ещё в силу ученического положения логике капитала, как отмечал Герберт Маркузе, поднялось на борьбу.

Немало профессоров в США, Великобритании, Франции или ФРГ запомнили удивительную волну политической активности тех, кто ранее больше времени проводил за партами. Студенты требовали и добивались участия в управлении университетами, свободы собраний в них и иных прав. Однако было бы ошибкой видеть в этом кульминацию борьбы наёмных работников. Они часто не знали, что делать с радикализмом молодых. В фильме режиссёра Элио Петри «Рабочий класс идёт в рай» (1972) это замечательно отражено: трудящиеся решали экономические задачи, а молодые максималисты требовали от них куда большего. На какое-то время два потока соединились, и это привело к росту заработной платы во Франции и других странах. Особое значение имела борьба против правых диктатур в Португалии, Испании и Греции. Успех этих революций был частью общего подъёма конца эпохи роста экономики 1950–1979-х гг., когда многое казалось возможным.

Наконец общество удовлетворилось достигнутым, а «революционеры» устали. Как накапливалось в них утомление, отлично показано в уже современной картине «Что-то в воздухе» (2012). Они разочаровывались и в рабочих. Ноты этого разочарования — в грустной песне Джона Леннона «Герой рабочего класса». Разочарование нетрудно узреть в переходе героя парижских баррикад 1968 г. анархиста Даниэля Кон-Бендита в ряды вполне системных экологических партий Франции и Германии. Ныне в когортах зелёных немало критиков неолиберализма периода «нулевых лет».

Самая яркая фигура здесь — канадская журналистка Наоми Кляйн, автор обличающей неолиберализм книги «Доктрина шока». Впрочем, это потом… А в 1980-е гг. многие родители были рады видеть своих «одумавшихся детей» в рядах офисного персонала, среди покупателей новых автомобилей, домов и стремящимися к корпоративной карьере. Длинные волосы хиппи были острижены, а недавняя критика родителей за приверженность «обществу потребления» забыта.

Те, кто критиковал одномерность рабочего класса, его узкую (экономическую) ориентацию, сами сдвинулись к одномерности. Только это была уже офисная одномерность с более либеральным ценностным набором. Именно она, как реальность и как мечта, попала на Западе под страшный удар в 2008–2020 гг. Но это было потом, намного позже, а в 1970-е гг. всё складывалось иначе.

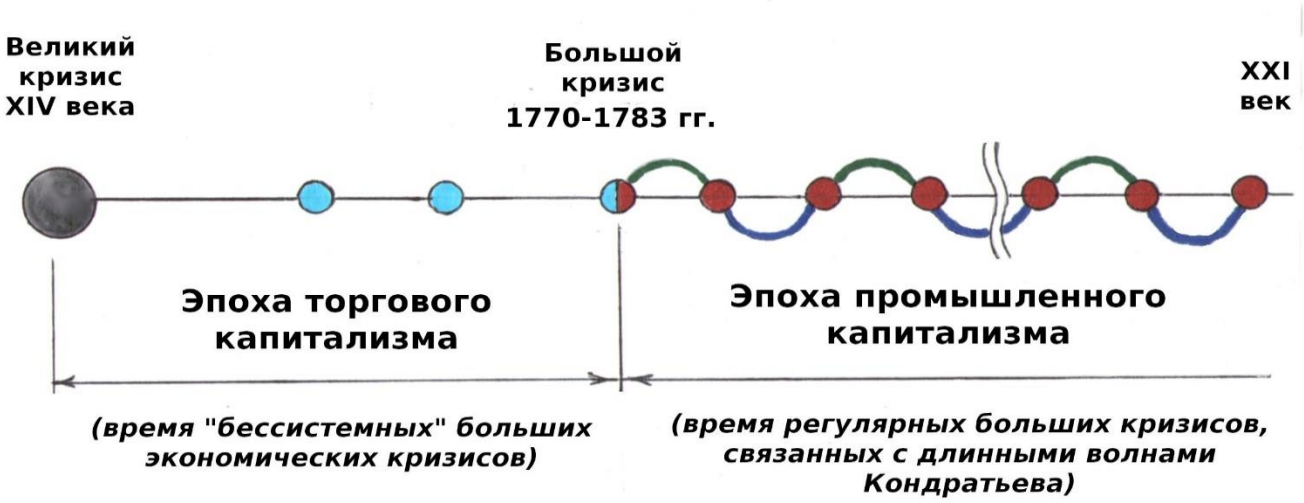
Поворот не случился в одночасье. В 1973–1982 гг. мир пережил острейший экономический кризис. В книге «Капитализм кризисов и революций: как сменяются формационные эпохи, рождаются

длинные волны, умирают реставрации и наступает неомеркантилизм» о его сути говорится весьма подробно[2]. В свой черёд специалисты кафедры политической экономии и истории экономической науки РЭУ им. Г. В. Плеханова в аналитических докладах не раз указывали: современный кризис весьма похож на тот кризис. Это было подчеркнуто ими и в докладе «Дональд Трамп и экономическая ситуация», где в 2016 г. было показано[3], как труден выход из такого кризиса. Но кризис 1973–1982 гг. был, по меткому выражению[4] французского историка Фернана Броделя, похож ещё и на наводнение и не походил на кризис-ураган 1929–1933 гг. Таковым его сделала борьба государства с проявлениями, но не причинами экономического кризиса.

Почти десятилетнего кризиса хватило, чтобы запустить серьёзные изменения. Настало время финансовой глобализации, выноса индустрии в страны третьего мира и роста финансиализации экономик Запада. Здесь сжималась индустрия и ширилась сфера услуг.

Как кризисы решают за нас

Люди часто смотрят на демократию как на продукт собственной деятельности. В этом смысле её развитие воспринимается как результат умной агитации и рациональной организации коллективного взаимодействия, а ослабление — как плод неправильных действий. Но история имеет законы, и эти законы есть прежде всего законы экономические. Один из таких законов касается смены длинных волн Николая Кондратьева. Эти волны развития имеют продолжительность примерно в 20–25 лет и сменяются особенно тяжёлыми (большими) кризисами. Такие кризисы появились после великого кризиса XIV в. Однако их регулярность удалось проследить с 1770-х гг., когда под влиянием большого кризиса в Англии произошла индустриальная революция.

Большие экономические кризисы до и после промышленного поворота 1770–1783 гг.

[2] Колташов, В.Г. (2019). Капитализм кризисов и революций: как сменяются формационные эпохи, рождаются длинные волны, умирают реставрации и наступает неомеркантилизм, М.: «Русайнс».

[3] Доклад Лаборатории международной политической экономии при кафедре политической экономии и истории экономической науки РЭУ им. Г. В. Плеханова «Дональд Трамп и экономическая ситуация: стратегии кандидатов в президенты и Вторая волна кризиса в США» // Институт глобализации и социальных движений. 2016. 28 октября. URL: http://igso.ru/trump_situation

[4] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Том III. Время мира — М.: «Прогресс», 1992.

Развитие экономики капитализма носит волновой характер, который можно именовать и циклическим. Большой кризис 1973–1982 гг. стоит в одном ряду с кризисом 2008–2020 гг., которому был посвящён ещё аналитический доклад[5] «Кризис глобальной экономики и Россия». Доклад этот вышел в начале июня 2008 г. Он содержал прогнозный анализ событий, который в дальнейшем подтвердился во многом, а главное подтвердил правильность концепции больших кризисов, области моего исследования. Такие кризисы существовали и прежде. Полный их ряд выглядит так: 1772–1783, 1810–1820, 1847–1851, 1873–1880, 1899–1904, 1929–1933, 1948–1954, 1973–1982 и 2008–2020 гг.

Находившийся в ряду больших кризисов кризис 1973–1982 гг. изменил Запад и мировую экономику в целом. После него всё оказалось не так, как до него.

Митинги, демонстрации, забастовки, оккупации кампусов и лозунги на лекциях во имя демократии всюду и всегда — всё это осталось в прошлом к концу кризиса эпохи 1970-х гг. Поворот был болезненным, сложным, а главное (так бывает всегда) произошли такие сдвиги в мировой экономике, а после и в технологиях, что ослабили старые индустриальные районы Запада. Вынос индустрии в страны периферии, рост офисного хозяйства в старых центрах капитализма означал изменение и в сфере общественных отношений и идей.

Неолиберальное увядание демократии

Основатель миросистемного анализа Иммануил Валлерстайн мог сколь угодно писать о «революции 1968 г.», но реальным победителем был большой бизнес. Правда, его победа диктовалась не столько столкновением с «низами», сколько неудачами в годы кризиса 1973–1982 гг., показавшими необходимость коренных перемен в экономической политике.

Кейнсианство израсходовало свой исторический ресурс. С переменами и ради перемен приходили к власти неолиберальные силы, требующие рынок расковать до полной свободы, а роль государства в регулировании уменьшить. Главная идея была проста: пусть рулят центральные банки при помощи денежно-кредитных инструментов. С точки зрения демократии это означает уход из-под общественного контроля крайне важной сферы. Позднее США будут навязывать странам независимость центральных банков от властей, а Наоми Кляйн в книге «Доктрина шока» посвятит[6] немало страниц раскрытию негативных последствий таких изменений.

Если центральные банки не зависят или почти не зависят от руководства государства, то они совсем мало зависят от общества. Но означало ли это, что западная демократия сжалась, как шагреневая кожа из произведения Оноре де Бальзака только от этого?

В 1980–1990-е гг. снижается значение профсоюзов, а значение левых партий просто обрушивается. Будучи очень серьёзными в кризисные 1970-е гг., с распадом СССР они превращаются в партии на политической обочине или принимают неолиберальные программы. С этого момента все влиятельные силы можно делить на открытых либералов и маскирующихся под социалистов, социал-демократов и даже коммунистов (образцом является Компартия Франции). Зелёные — особый вид маскировки, весьма эффективный. Массы теряют доверие к партиям, а партии зачастую утрачивают массовое начало. Они не теряют связи со своей клиентелой, даже развивают её, но они перестают быть агентами «низов» в политической системе. Партийная номенклатура приспосабливается ко времени политически, а «низы» — экономически.

---

[5] Доклад Института глобализации и социальных движений (ИГСО) «Кризис глобальной экономики и Россия» // Институт глобализации и социальных движений. 2008. 9 июня. URL: http://igso.ru/world_crisis_and_russia/

[6] Кляйн Наоми, Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф — М.: «Добрая книга», 2009, 890 С.

Всё это подрывает основу той самой буржуазной демократии, в которой имущие классы были вынуждены учитывать требования масс, так как эти массы имели сильных агентов. Сами массы и составляли их силу. **С падением производственной организованности «низов» падает и их роль в общественной жизни. Теперь от них требуется проголосовать на выборах, процедурный момент процедурной либеральной демократии, уже даже без опосредованной и во многом формальной власти «демоса».** Но этот «демос» как бы сам предаёт себя прежнего. Он следует за неолиберальными идеями и силами, отворачивая голову от радикальных левых или национал-консервативных проповедников.

Когда господствуют процедуры

Без учёта факта следования большинства граждан индустриально развитых стран за неолибералами, такими как Маргарет Тэтчер в Великобритании и Рональд Рейган в США, невозможно понять причины кризиса западной демократии и её базовых структур. Конечно, можно поверить версии, будто «низы» были коварно обмануты, слепо шли за гипнотизёрами фраз и потому утратили веру в свои силы, в силу своих структур и в шансы демократии. Однако правда выглядит иначе: демократию и базовые для её функционирования рабочие структуры класс наёмных работников оставил в своём движении за соблазном выхода из собственного класса.

В те времена речь шла о превращении людей в хозяев государственного и муниципального жилья (приватизация), создании своего небольшого бизнеса, о корпоративной карьере или просто работе в офисе, что сильно отличалось от работы в цеху. Соблазн включал возможность одеваться в деловом стиле, обедать в кафе и ресторанах, в целом повышать уровень потребления. Тут многим было не до демократии. Они против неё не шли, но её превращение в процедурную демократию ими не пресекалось.

Забавно, но западный рабочий класс сдал свою демократическую и весьма условную диктатуру буржуазному менеджменту от политики почти так же быстро, как рабочий класс в Советской России в 1918–1919 гг. в сделке с партийной номенклатурой обменял свою демократическую диктатуру на новые возможности. Они тоже включали некоторую вертикальную мобильность: возможность идти вверх по социальной лестнице. В итоге на Западе и установилась модель либеральной демократии, демократии процедурной и куда более формальной, чем предшествовавшая ей форма. И если избиратель мог выбирать партии или кандидатов по-своему желанию, то он всё равно получал тот же результат: идеологически выборы были почти безальтернативными. И в этом более всего выразился либеральный дух этой «демократии».

Сумерки нового большого кризиса

В такой ситуации странам ядра капитализма пришлось в 2008 г. встречать новый большой экономический кризис. В странах полупериферии и периферии демократия была внешне похожей на центральную, с той разницей, что она была куда более формальной, замешанной на фальсификациях и не исключавшей государственных переворотов и смут, пускай формально они даже стартовали как борьба за честные выборы. Неолиберализм в широком смысле не имел альтернативы и мог лишь смягчаться в некоторых странах. Потому из-за его силы и укоренённости встреча с кризисом затянулась и оказалась совсем неприятной. В 2020 г. эта история ещё не была закрыта.

Неолиберальная доктрина и идеология выводили на первый план рыночную и коммерческую свободу, а общественные интересы задвигали на задний план. Под напором неолиберальных реформ ослабли опорные социальные структуры демократии, какой она была в XX в., массовость их уменьшилась. Люди уходили в частную жизнь, а элиты смелее шли на манипуляции. Протест на Западе стал антиглобалистским — с

верой в социальные сети и растущим недоверием к «прогнившим партиям». Критика неолиберализма и подмятой им под себя демократии, либеральной демократии со стороны «звёзд» антиглобализма была эффектной. Не была она эффективной; контркультурный пафос не помешал ей вписаться в мейнстрим.

Всё не выглядело однозначно мрачно в эпоху, предшествующую кризису 2008–2020 гг. Когда к власти в США пришёл Билл Клинтон, а в Великобритании — Тони Блэр, у немалого числа обывателей возникло ощущение некоего поворота. Во Франции такое ощущение дала позднее победа на выборах социалистов во главе с Франсуа Олландом. В Греции — избрание партии «Сириза» и Алексиса Ципраса. На практике поворота не случилось, всё вылилось в манипулятивные имитации, удобные для продолжения старого курса. Они-то и подрывали веру во вроде бы имеющиеся демократические механизмы. Но, может быть, оппозиция неолиберальному мейнстриму нашла какое-то решение? Была же альтернативная «отжившим своё» ячейкам профсоюзов и партий идея сетевой организации? И носились с ней в нулевые годы в Европе и Америке неслабо.

Увы, сети не стали основой возрождения «подлинной демократии», а вера в них лишь помогла консервации оппозиции неолиберализма.

В этих сетях она и гнила, время от времени внушая себе: не надо повторять путь старых партий, в них было всё зло — они убили эгалитаризм подлинного народного движения, и не надо предлагать конструкции за народ и для народа (все эти съезды, комитеты и комиссии), ибо так будет совсем погублен подлинный дух демократии. В итоге «подлинный дух» существовал лишь в воображении.

Когда пришло время социальных сетей в интернете, выяснилось, как много они дают для управления самим индивидом и как мало в них значат горизонтальные связи индивидов. С такими сетями легко было организовать волну протестов, а после проведения смены власти (переворота по заказу США или еврократии) вернуть массовых участников на места.

Демократия в эпоху кризиса и снова в кризисе

В 2008 г. закончилось время устойчивой финансовой глобализации, начался большой мировой экономический кризис. Волны кризиса приходили одна за другой, пока не настал 2020 г. И тут окончательно выяснилось, что семена антиглобалистской альтернативы дают гнилые всходы даже в США: Берни Сандерс снялся с выборов в самый драматичный момент для его народа в XXI в. А ведь до этого была серия неудачных попыток общества повлиять на процесс в Европе. Выяснилось, что у него нет структур и понимания механики

их работы и даже личной работы в них, недостаёт солидарности и понимания ситуации. В итоге либеральная элита сохранила господство над «демократией».

Но либеральные политические конструкции стали помехой в борьбе с кризисом. И если в России и Китае сдвиг от неолиберализма к новой практике — неомеркантилизму — пошёл сверху, без помощи республиканских механизмов, приводимых в движение народом (отправной точкой стали проблемы развития экономики), то на Западе складывалось иное положение. Манипулятивная либеральная демократия консервировала кризис, блокируя попытки поменять политику. Даже Трамп со своим консервативным планом преобразований сталкивался с сопротивлением либеральных сил из Демократической партии и её приверженцев в системе власти. Сдержек и противовесов он одолеть не мог.

В США оказалась заблокирована обширная программа, о которой так подробно говорилось в докладе[7] «Дональд Трамп и экономическая ситуация» ещё в 2016 г. В другом докладе под названием «Общество без оппозиции», подготовленном в Институте нового общества, были вскрыты многие пороки левых, которые не позволили им выступить как главной силе преобразований. Одна из бед состоит в стремлении применять готовые схемы к новым историческим условиям и уверенности в том, что капитализм не может иметь в себе ничего нового — ничего, чего не было бы прежде.

Когда в июне 2020 г. очередной американский полицейский убил очередного афроамериканца, по США и Великобритании прокатились волны протеста. Несмотря на сопутствующие им ночные погромы магазинов, снос памятников «белым расистам», включая и Христофора Колумба, странные акты покаяния людей, никогда не являвшихся рабовладельцами, перед теми, кто никогда не был в рабстве, создание «коммуны» в Сиэтле и всплеск надежд на справедливость, слово «революция» произносилось по поводу всего этого напрасно. Впрочем, не только в США напрасно бросались словом «революция» в последнее время.

«Революция или реформа?» и мифы о путях

Разочарование в демократических механизмах вернуло к жизни старый вопрос, в 1918 г. включённый Розой Люксембург в заглавие её брошюры «Реформа или революция». Реформы в минувшие 40 лет являлись неолиберальными, и потому слово «реформы» часто вызывает у людей негативные эмоции. В России многим гражданам левых взглядов трудно принять тот факт, что в стране начинаются социально-патриотические реформы — не либеральные, не расшатывающие, а укрепляющие общество. Потому вопрос остаётся в силе.

Но вопрос этот ложный. Впрочем, он многим видится логичным, поскольку с 1980-х гг. внушалось: существуют два пути, противоречащие друг другу, — вроде бы жёсткий и как будто бы мягкий (тождественный либеральной демократии). В другой интерпретации: прогрессивный и оппортунистический, деструктивный либо реакционный. Последнее понимание навеяли неолиберальные реформы, всюду носившие разрушительный и антисоциальный характер. Однако под влиянием глобального кризиса 2008–2020 гг. под самый его конец, то есть теперь, становятся возможными реформы другого типа. Они связаны с необходимостью выхода из затянувшейся эпохи экономического кризиса и возобновления устойчивого роста и развития. Естественно, они должны повысить устойчивость государств, в которых осуществляются, и сделать в итоге их более сильными в международном соперничестве.

---

[7] Доклад Института нового общества «Общество без оппозиции»: кризис левых в эпоху неолиберализма и после». // Институт нового общества. 2016. 28 октября. URL: http://neosoc.ru/общество-без-оппозиции/

Реформы нового типа и продиктованные новой эпохой стали возможными, а в России даже начались, а с ними начала формироваться и другая общественная реальность. Но как быть со штампами? И как быть с вульгарным, а на практике волюнтаристским пониманием революций на основе разочарования в либеральной демократии?

В книге «Капитализм кризисов и революций: как сменяются формационные эпохи, рождаются длинные волны, умирают реставрации и наступает неомеркантилизм» дан анализ великих революций не в их кульминации, но в стадии реставрации и её преодоления, когда общество уже далеко ушло в своём развитии.

Существует единство как революционных, так и эволюционных и реформистских этапов (не методов!). Волюнтаристы «революции» никогда не поймут и не примут этого. Для них всякие реформы русского или иного капитализма будут обманом масс, а их поддержка — предательством «дела освобождения трудового народа» либо мерой реакции. В таком видении истории нет диалектики. Но потому волюнтаристы, приверженцы максималистской фразы и не имеют отношения к реальным социальным революциям с их сложными многообразными последствиями.

В США, Великобритании, Западной Европе и Японии положение особое. Там неолиберализм далеко зашёл в деле воздействия на общество. От манипуляций с помощью либеральных институтов он перешёл к деструкции базовых норм морали и отношений, не вековых, но во многом взращённых XX в. Нуклеарная семья подверглась атаке как «рабство патриархата», профсоюзы — как оковы для рынка и духа индивида, право большинства на закон в его интересах — как антидемократический эгоизм белых мужчин, дискриминирующий меньшинства. Сами меньшинства усиленно взращивались и помогали

фрагментировать общество, в котором, как это показали события 2008–2020 гг., не нашлось сил опрокинуть неолиберализм снизу — левым (неважно реформистским или более радикальным) путём.

Движение под лозунгом «Жизни чёрных важны» в США, несомненно, приведёт к перераспределению бюджетных расходов в пользу афроамериканцев. В стране существуют ещё миллионы бедных мексиканцев (коренных в ряде штатов) и индейцев, но они едва ли что-то специально получат. Всё это прослеживается в поведении руководителей Демократической партии, которое в июне умело маневрировало и манипулировало протестом. В частности, удалось направить против Трампа гнев обедневших жителей прибрежных штатов, которые могли бы возмутиться политикой ФРС и Демократической партии, подготовившей столь сильный обвал экономики и рост безработицы.

Но неолиберальная политика фрагментации общества не была безрезультатной. Она заблокировала для США возможность консолидации общества для запуска социальных и экономических реформ: вместо реформ обостряется борьба партий и социокультурных групп населения. Печальный плод «развития либеральной демократии» в США в минувшие 40 лет. Конечно, и в отношении американской ситуации можно поставить вопрос: революция или реформа? Однако провал реформ, включая трампистскую попытку повернуть от неолиберализма, не означает автоматического включения революционного сценария для США.

Общество не находится на подъёме, чтобы легко решать радикальными средствами задачи, которые ему не дали решить средствами более скромными. Что касается мирового неолиберального порядка, то, не будучи побеждённым снизу, он погибнет от того, что время его миновало. Это уже очевидно в одних частях мира, но не очевидно в других. Однако невозможность выхода из кризиса на основе неолиберальной политики и есть доказательство этого тезиса. А что же тогда с демократией?

Неомеркантилизм приближается

Левые интеллектуалы обожают писать фразы, подобные этой: борьба за социальные и культурные реформы, за другой мир с возможностями для всякого человека творчески найти себя, быть свободным, контролировать власть и не бояться оказаться нищим будет продолжена и приведёт мир к успеху. При этом они могут критиковать национальный консерватизм «правых» и говорить о пользе многообразия в обществе, без которого не может быть демократии. Но истина требует добавить сюда историю Сократа. Афинская демократия отнюдь не стала терпеть его вольности, а заставила выпить яд. Его ученик Платон был вынужден вести себя с народом более аккуратно. В современных реалиях мы должны быть готовы к консервативному по духу демократизму.

Неолиберализм создал себе моральную оппозицию в обществе, основы которой считаются традиционными. Либеральные левые негодуют по поводу этого неправедного, по их мнению, способа отрицания глобализации и идей «свободной торговли» во всех сферах жизни. Однако консерватизм здесь весьма ограничен. Он не очень религиозен, так как общество в странах с развитым рынком не очень религиозно, а защита семейных ценностей и важности брака больше похожа на защиту советского понимания отношений и жизненного уклада; стоит учитывать, что эмансипация XX в. необратима, общепризнана и неотделима от общества, и это не «патриархальные нравы», а продукты модернизации.

Модернизация имела место не так уж давно. Потому антинеолиберальный консерватизм отсылает нас вовсе не к давним нравам и лишь за пристрастие к религиозному обоснованию своей позиции может быть назван правым. Впрочем, есть здесь и отсылка к национальным ценностям и интересам наций, противостоящим интересам глобальных финансовых структур. И здесь важно принять факт: неолиберализм так сильно ударил по массовым организациям XX в., что оставил лишь ограниченное количество средств своего устранения. Демонтаж неолиберализма не социалистическое деяние, а мера буржуазная, но обеспечивающая дальнейшее развитие общества. Другое дело, что в этом процессе в части стран возможно возрождение социального государства. Но пример США показывает, что это никак не гарантированный сценарий.

Эпоха глобализации научила множество людей смотреть на демократию как на нечто универсальное. Неолиберализм сменил в странах полупериферии и периферии мирового капитализма диктатуры модернизации. Личной свободы и общественных свобод в них было немного. Но с неолиберализмом местные элиты смогли прикрыть словом «демократия» своё господство. В планы элиты стран центра не входило превращение части государств производственной периферии в новые центры развития капитализма, в претендентов на роль части ядра глобальной экономики. Не входил в планы старых центров и поиск местными высшими чиновниками опоры в «низах», во многом за счёт отказа от неолиберального курса и ставки на социально-патриотические меры. А уж дерзкое и самостоятельное поведение высшей бюрократии (грандбюрократии) вовсе воспринимается в Вашингтоне и Брюсселе как бунт.

Но именно этот бунт «верхов» и кладёт предел неолиберализму политически. Опираясь или стремясь опираться на большинство населения страны (особенно в России), он является по-своему демократическим. Он отражает запросы демоса на социальную политику, возрождение национальной гордости и рост благосостояния на основе протекции государства к своему рынку, производству и своему массовому покупателю. Этот поворот от неолиберализма тем не менее не является поворотом, созданным снизу, то есть формально демократическим — организованным не под давлением общества, а самим обществом.

В этом плане надо признать неудачу попыток покончить с неолиберализмом снизу во многих странах. При твёрдой же приверженности «верхов» этой политики она не устраняется и сверху. Даже раскол элиты в США с приходом Трампа в Белый дом не привёл к такому развитию событий, процессы были заблокированы**. Потому неолиберализм ещё не закончил свою историю, просто он утратил экономическую эффективность и не может быть основой выхода тех или иных стран из эпохи большого кризиса. Наблюдается не полный его конец; вопреки обречённости и утрате эффективности, он сохраняет господство на Западе. Результатом являются блокировка развития и усиленная спекуляция на теме либеральной демократии, важности особых прав некоторых малых групп.**

Нации, которые всё осложняют

Либерализм только с виду отражал запрос наций на демократическое правление. Но сложная система манипуляций не была единственным его ответом времени. Куда важнее были мероприятия, направленные против наций, которые должны были разрушать общность людей и выдавать либеральные институты за универсальные инструменты снятия противоречий между разными группами общества. **Политика фрагментации достигла такого масштаба и такой наглости, что стала обрушиваться на нуклеарную семью и право детей иметь родителей, что привело в ЕС и США к изъятию детей из семей, где отношения и**

ценности не соответствовали неолиберальному стандарту. По нему же пытались перестроить обучение и воспитание в школах. Атаке подверглись гетеросексуальные отношения. Не удивительно, что общественная волна отрицания либерализма оказалась во многом консервативной.

В России этот поворот в 2020 г. принял вид внесения поправок в Конституцию. Они отразили сдвиг от федеративного устройства государства к унитарному, отказ от признания приоритета внешнего права над внутренним, ценности и принципы социальной политики и стремление ускорить строительство нации. Этот сдвиг в целом был крайне важен и в плане евразийской интеграции, так как он создавал более прочную национально-административную конструкцию, что позволяло увереннее проводить курс на создание евразийской конфедерации или федерации.

Такие формулы, как «государствообразующий народ» и упоминание русского языка в контексте поправок в Основной закон, явно указывают на желание высших руководителей России не расщеплять общество, а соединять его: создавать культурное и патриотическое единство вместе с единством правовым и административным, что как раз предполагает отход от федерализма. **Всё это справедливо называть строительством нации в буржуазном смысле, основанном на наличии единого рынка, единой политики протекционизма, общих норм права и морали.** Всё это было тем более важно, что либеральные прозападные силы делали ставку ровно на обратное: жителей центральной части страны они настраивали против её граждан с окраин, а граждан окраинных регионов на выгодность отделения от Москвы.

Однако дискуссия в «верхах» по вопросу упоминания русскости, народа, русского языка явно не дала в 2020 г. окончательных результатов. Указанный в Конституции при Борисе Ельцине «многонациональный народ» не был сменён на «нацию, основанную на единстве всех народов России» (слово «Русь» здесь было упоминать необязательно), или «нацию, возникшую из слияния множества этносов во имя процветания и развития». Про русский язык следовало сказать столь же правдиво: происходя от старославянского, он давно стал языком города, торговли, управления, литературы и технологий для многих народов Евразии. Он соединил их и помог им в развитии.

Для неолиберализма нации имеют сомнительную ценность, так как его подход — разделение — лучший способ управления и защиты богатства финансовой элиты. Само это управление маркируют понятием «демократия», хотя даже витринная для Запада «американская демократия» есть лишь олигархическая республика, если честно описывать это явление на языке политологии. Бюрократические республики постсоветского пространства не похожи на олигархию США, но все вместе они далеки от древнего идеала демократии. Она имела две основы: общность граждан полиса и свободное время для участия их в не очень сложных государственных делах. В наше время усложнилась политика, а время не тот ресурс, который множество граждан готово постоянно тратить на дела управления, пусть даже и муниципальные. Зато общность крайне важна, а эта общность называется нациями. Она первоначально возникает из развития экономики, но ныне без защиты её от неолиберальных интервенций в России или других крупных государствах она развиваться не может. Само же её развитие есть развитие общества, приближающее его к менее бюрократическим формам государственного управления.

В России неделей голосования вопрос изменений Конституции не может быть закрыт уже потому, что строительство нации в новую экономическую эпоху только развёртывается. Необходимо решить вопрос «страшного» для некоторых слова «русский», указав, что оно является описанием общности самого широкого вида, не только славян, но всех российских граждан. Но чтобы прийти к такому самоощущению большинства граждан, необходимо не просто внести более серьёзное исправление в соответствующую статью Конституции, нужно иметь главный идеологический документ нации, с котором всегда в той или иной мере знакомятся все её представители, — школьный учебник истории. А если в нём главным действующим лицом будет народ, то это будет эффективный учебник. Только он будет очень походить на советский.

Решая задачу национального строительства, Россия не просто покажет пример отдаления от практик неолиберализма. Она предложит малым народам бывших братских республик присоединиться к процессу в той или иной мере, тем более что он будет сопряжён с экономическим ростом. Но есть ли в этих переменах в России демократическая сторона или прозападные либеральные критики правы в своих заявлениях, будто бы всё это насилие «верхов» над «низами», коим ничего этого не нужно. Реальность такова, что плебисцит 1 июля является поиском одобрения новой политики в обществе. С другой стороны, сама эта политика во многом диктовалась снизу. Это касается национальных социальных мероприятий, советских ценностей и культа Великой Победы в 1945 г., сознания важности целостности страны и единства закона в ней.

Всё это до крайности осложнило дела неолиберальной партии в России. Потому в других странах эта партия не перестанет воспринимать подобные сдвиги и даже их вероятность как угрозу. Нации там, где имеется возможность их развития, сильно осложняют положение неолибералов. Даже будучи весьма ограниченно вовлечёнными в государственные дела, широкие массы лишают силы внешне демократические аргументы либеральных профессоров и блогеров. Происходит это потому, что мёртвое слово есть ничто. Соприкосновение с живым общественным потоком превращает его в прах.

Выводы

Конец неолиберализма неминуем во всём мире. В одних случаях он придёт в виде консервативном по окрасу и социально-патриотическом по форме. В другом случае проблемы в экономике вызовут к жизни движения, которые могут быть либо таковыми, как в странах, претендующих на роль новых центров (евразийских стран), либо общество сумеет перейти от неустойчивого и слабого по содержанию движения наподобие французских «жёлтых жилетов» к чему-то более сильному и продуктивному. Наконец, существует и сценарий, когда народное вмешательство в политику будет подобно вспышке гнева, — сценарий Аргентины начала 2000-х гг. Для Украины такой способ перезапуска политики мог бы стать спасительным.

Все эти пути непросты. Демократия в них выразится, вероятно, не в процедурах, а в массовой поддержке новой повестки. Едва ли стоит ожидать, что «низы» восстановят формы организации и практики, характерные для 1930–1960-х гг. В этом смысле перспектива торжества в скором времени «чистой демократии» выглядит сомнительной. Республиканские процедуры и конструкции будут жить, так как общество всюду взбудоражено глобальным кризисом 2008–2020 гг. Однако, даже если преодоление неолиберализма сверху в большей мере, чем снизу, станет общим сценарием выхода из эпохи большого кризиса, следует учитывать: экономический рост и общественное развитие вообще будут работать на демократию в будущем. Просто задача демократизации не может быть решена без установления господства социально-патриотической повестки, без возобновления национального строительства и защиты независимости от наиболее агрессивных государств старого ядра капитализма, США и Англии. Это особенно касается России и Китая.

Для самих США и Соединённого Королевства дефицит внешней подпитки (ресурсов, изъятых в других странах) оказался в 2020 г. крайне болезненным и привёл к атаке меньшинств на ценности и положение широкой группы, некогда воспринимавшейся как ядро нации, если не как сама нация. Атака эта будет создавать социально-политический хаос, обеспечивая за финансовым капиталом господство в олигархической системе власти, а также блокировку им необходимых для развития реформ. Частое повторение слова «демократия» его агентами не будет иметь никакого значения. Либерализм будет убивать демократические элементы системы как минимум в США, давая привилегии малым группам за счёт массы граждан и упрекая их в невидимых привилегиях, расизме, сексизме, патриархате, национализме и даже фашизме.

Формальные республики в современном мире, там, где развитие не прервётся и не случится деградация (что весьма возможно для части стран), будут становиться более социальными. Опираясь на общественное единство, на конструирование наций и их объединений, например в ходе евразийского интеграционного процесса, администрации будут пробуждать в обществе реформистскую активность. В итоге ныне формальные республики будут двигаться к республикам реальным, где народ оказывает влияние на

процессы не только через выражение настроения или голосованием за инициативы грандбюрократии. Это и будет началом нового возрождения демократии. Но процесс это длительный и сложный, а протекать он будет в опасной внешней среде, так как начинающаяся эпоха будет временем соперничества держав.

Было достаточно сказано, в силу каких экономических процессов неолиберальная демократия (правый формат идеи и практики) оказалась в собственном кризисе, не смогла обеспечить механизм вывода стран старого ядра капитализма из кризиса и свалить власти в России, Китае и других евразийских государствах, претендующих на роль новых центров капитализма. Там неолиберальных «демократов» в верхах всё сильнее теснит неомеркантильная грандбюрократия. Она может перезапустить рост экономик, и этот рост будет продолжаться примерно 20–25 лет. Так большой кризис в экономике завершится и начнётся новая повышательная волна развития; лишь на время её будут прерывать торгово-промышленные кризисы, ни один из которых не будет подобен кризисной эпохе 2008–2020 гг.

Установление в мире неомеркантильной экономической реальности запускает механизм освоения практик и идей демократии в условиях сильных национальных государств Евразии, решающих задачи континентальной интеграции и соперничества со старыми глобальными лидерами. Первым и весьма сильным ограничением в них станет ограничение для прозападных неолибералов, что будет неизбежно трактоваться в США, Великобритании и ЕС как атака на демократию и подлинных демократов. Однако задача развития диктует именно такое ограничение сил, финансируемых и направляемых иностранными игроками. Никакими носителями идей демократии и свободы они не являются, зато несут угрозу для общественного развития.

Идеи демократии, таким образом, предстанут в ближайшие десятилетия как идеи консервативные (традиция XIX–XX вв.) и неолиберальные. Как будет развиваться конфликт этих тенденций на Западе, крайне сложно сказать заранее. Но экономический подъём будет лучшей средой для общего развития демократизации, чем оказался последний большой кризис. В целом же история демократии не только не закончена, но по большому счёту ещё только начинается. И если в большинстве стран в эру неолиберализма демократия была чистейшей имитацией, то в другую эпоху всё может оказаться иначе.

«Научно-исследовательский центр проблем интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза "Союзный нарратив 2050"»

Российская Федерация, 143180, Московская область, г. Звенигород, мкр. Пронина, д. 2, офис 12

Директор — Боков Василий Сергеевич. Тел.: 8-916-120-07-08. E-mail: vb@sonar2050.org

Шеф-редактор — Уралов Семён Сергеевич. Тел.: 8-916-215-72-02. E-mail: uralov@sonar2050.org

Глава аналитического бюро — Лизан Иван Юрьевич. Тел.: 8-999-714-12-40. E-mail: lizan@sonar2050.org